

роны выступали друг против друга просто как продавец и покупатель, а не как капитал и наемный труд. Полное игнорирование римским правом найма свободных рабочих дает лишь дополнительное доказательство справедливости утверждений Маркса и Энгельса о спорадичности наемного труда в рабовладельческом обществе. Римское государство не только не могло разработать право вольнонаемного труда, оно не могло даже ставить перед собой такую задачу.

Вопреки историческому и просто здравому смыслу, многие буржуазные юристы занялись в период империализма поисками «корней» основного отношения капиталистического общества в далеком прошлом. Римская концепция, развивавшаяся на этой основе, призвана служить подпоркой «учений» ряда буржуазных историков о цикличности исторического процесса.

Модернизаторы-юристы не останавливаются перед утверждением, что трудовые договоры существовали уже у римлян, а правый социалист Гуго Зиндгеймер в своем усердии идет еще дальше, договариваясь до того, что период «свободного трудового договора» (т. е. капитализм) вообще не создал никакого нового правового института, он только выдвинул на первый план правовой институт, который до того занимал место на заднем плане¹.

Подобного рода нелепые выводы достигаются посредством полного игнорирования того факта, что корни всякого явления заключены в исторических особенностях той среды, которая данное явление породила. Буржуазные историки права сначала, с целью приспособления норм римского права к потребностям капиталистического общества, приписали Риму расчленение единого договора I.-с. на три вида, произведенное развитием товарно-денежных отношений в то время, когда Римского государства уже не было. Юристы периода империализма этим не довольствуются: им мало признания, что римскому праву была известна какая-то особая форма договора о найме свободного труда, им надо поставить еще знак равенства между I.-с., этим продуктом рабовладельческого общественного строя, и трудовым договором капиталистического общества. Отсюда и погоня за «корнями» трудового договора. В действительности наемный труд капиталистического общества — специфическая, буржуазная форма труда, совершенно отличная от античных форм.

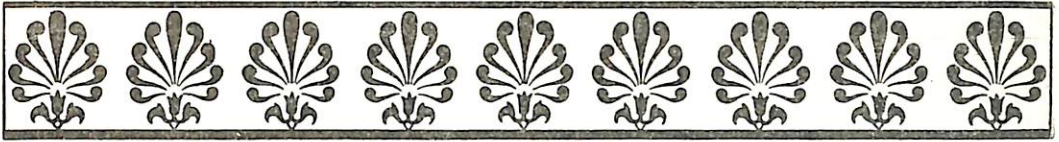
Отбрасывая отличия этих форм, буржуазные историки права следуют той логике, «...на основании которой выводится, что так как деньги — золото, то золото само по себе есть деньги, что так как наемный труд — труд, то всякий труд неизбежно есть наемный труд. Таким образом *тождество* доказывается тем, что фиксируется *тождественное* всем процессам производства в отличие от их *специфических различий*. Тождество доказывается тем, что отвлекаются от различий»².

Такая логика неизбежно терпит крах пред лицом неумолимой действительности.

¹ H. S i n z h e i m e r, Grundzüge des Arbeitsrechts. Jena, 1947, стр. 121; E. M o l i t o r, Zur Geschichte des Arbeitsvertrags, «Zschr. für d. gesamte Handels- u. Konkursrechts», 87 (1924), стр. 371 сл.; A. H u e k—H. N i p p e r d e y, Lehrbuch des Arbeitsrechts, т. I, Mannheim — В. — Lpz., 1927, стр. 109.

² «Архив Маркса и Энгельса», т. 2 (VII), М., 1933, стр. 19.

Проф. М. Я. Сюзюмов

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССАХ ФЕОДАЛИЗАЦИИ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ*

В ходе дискуссии по проблеме надения рабовладельческого строя в качестве основного выдвинулся вопрос о том, насколько глубокими были процессы феодализации в Позднеримской империи. От разрешения этого вопроса зависит определение характера той социальной революции, в результате которой погиб рабовладельческий строй в Западной Европе.

Е. М. Штаерман (ВДИ, 1953, № 2) полагает, что в IV в. процессы феодализации зашли так далеко, что Римскую империю Константина можно считать по преимуществу уже не рабовладельческой, а феодальной. А. П. Каждан (ВДИ, 1953, № 3), хотя и не соглашается с таким выводом, тем не менее считает, что процесс перехода средств производства в собственность зависимых мелких производителей, т. е. переход к феодальному способу производства, произошел уже в Позднеримской империи. А. Р. Корсунский (ВДИ, 1954, № 2), наоборот, в развитии колоната видит процесс превращения свободных крестьян в состояние, близкое к рабскому. А. Р. Корсунский считает, что процессы феодализации повлияли на характер рабовладения и колонат, но не настолько, чтобы можно было говорить о появлении новых классов. Выступивший затем проф. С. И. Ковалев (ВДИ, 1954, № 3) считает процесс феодализации настолько глубоким, что «рабовладельцы» исчезли, превратившись в «колonoвладельцев» (неясно, однако, почему государство остается «рабовладельческим», когда господствующий класс уже не является таковым).

В ходе дискуссии ярко показан относительно высокий уровень техники производства, достаточно четко определен характер производительных сил в последний период Римской империи. Орудия производства рассчитаны были на индивидуальное производство, требовали определенного навыка, заинтересованности и инициативности работника. В статьях А. П. Каждана и С. И. Ковалева показано наступившее несоответствие производственных отношений рабовладельческого общества характеру производительных сил. Естественно, что в силу действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил в Позднеримской империи должны были пробивать себе дорогу новые производственные отношения. Закономерно, что в этих условиях вместо крупного, основанного на организованном труде

* В дискуссионном порядке. — *Ред.*

рабов хозяйства единственно выгодной формой земледелия становилось мелкое единоличное хозяйство крестьянина (Энгельс). Естественно, что у более расчетливых рабовладельцев наметилось стремление использовать мелкое хозяйство.

Наличие мелкого хозяйства, зависящего от крупного землевладения, в Римской империи IV—V вв. несомненно. Вопрос заключается в том, что представляло собой это мелкое, зависимое хозяйство. Была ли эта зависимость формой господства — подчинения рабовладельческого типа, или переходного типа, или эта зависимость мелкого хозяйства от крупного землевладения носила чисто феодальный характер.

Мы остановимся на точке зрения Е. М. Штаерман, которая пришла к выводу, что «с начала IV в. уже нельзя говорить о существовании рабовладельческой формации, о классах рабов и рабовладельцев как об основных, определяющих классах» (ук. соч., стр. 79). Следовательно, определяющим развитием был базис феодальный, задачей государства было держать в узде зависимое крестьянство. Поэтому Е. М. Штаерман считает восстания багаудов, агонистиков, малоазийских и придунайских крестьян уже не антирабовладельческими, а антифеодальными (ук. соч., стр. 53).

Эта концепция вызывает недоумение. По статье Е. М. Штаерман можно представить такую картину: сначала путем хозяйственной эволюции изживаются рабовладельческие отношения, а потом уже начинается период, который наполнен революционными движениями масс (там же, стр. 79), причем эти движения были направлены против пережитков рабовладельческой формации, тормозивших развитие нового строя. Но эти же движения являются и антифеодальными. Неясной остается роль варварских нашествий. Фактически в рассуждении Е. М. Штаерман они выпадают из поля зрения. Весь ход рассуждений, все исследование приводят к выводу, что прекращение существования рабовладельческой формации является делом хозяйственной эволюции. Роль варваров в конце статьи является только «концовкой». Положение Энгельса о роли варварских институтов как будто не имеет места в концепции статьи. Правда, в конце статьи говорится, что победа новых форм хозяйства могла упрочиться только после возрождения общины в результате германских и славянских переселений. Но это положение не вяжется со всеми данными статьи, так как рабовладельческие отношения не признаются уже господствующими с начала IV в.

На стр. 78 своей статьи Е. М. Штаерман полагает, что роль расселения на территории Римской империи германских и славянских племен заключается в окончательной ликвидации пережитков рабовладения. Но на стр. 51 говорится, что варварское законодательство не только не уничтожило институт рабства, но в некотором отношении даже ухудшило положение рабов... Нам непонятно, почему сохранившаяся в недрах Римской империи сирийская община являлась элементом, способствующим живучести старых отношений, а позднее германские и славянские общины сделались элементом, окончательно ликвидирующим рабовладельческие пережитки (ук. соч., стр. 74 и 78). Е. М. Штаерман полагает, что существенной чертой процесса феодализации в восточной половине Римской империи была борьба общественной и частной собственности, собственности императорской и частной за зависимых непосредственных производителей.

Нельзя, конечно, отрицать, что в рассматриваемый период характер производительных сил достиг такого уровня, который требовал искусного, заинтересованного и инициативного работника, что эксплуатация

мелкого хозяйства д о п о л н я л а доходы как частных рабовладельцев, так и их коллективов — полисов и государства. Но доходы от городской собственности и собственности куриалов, независимо от их источников, являлись доходами рабовладельческого коллектива данного города в целом, в пользовании которыми (через литургии куриалов и регулирование цен на продукты) принимала участие и свободная городская беднота. Доходы сенаторского сословия, обязанного иметь *domicilia* в столице, вносить налоги в столицу, принимать участие в организации зрелищ и в других подобных затратах на столичное свободное население, являлись тоже доходами рабовладельческого коллектива Рима или Константинополя в целом. Доходы константинопольского коллектива рабовладельцев увеличивались за счет доходов провинциальных городов, путем *paene omnium urbium nuditate*, как ярко выражались современники (PL, Migne, XXVII, 677). Собственность оставалась рабовладельческой, хотя доходы могли быть и от эксплуатации свободных. Никогда во все времена рабовладельческого строя рабовладельцы не отказывались от эксплуатации свободного населения. И богатые куриалы больших городов, и сенаторы, связанные со столицами, представляли собой класс рабовладельцев, хотя бы их доходы от эксплуатации свободных ремесленников и свободных крестьян-арендаторов и превышали их доходы от труда рабов. Те формы общественного производства и распределения, которые существовали в IV—V вв., оставались еще типичными для рабовладельческой формации, безразлично, использовался ли только организованный труд «фамилий» или как добавочный доход эксплуатировался труд мелких арендаторов, разной степени личной и материальной зависимости. Их всех связывали узы античной, рабовладельческой собственности.

Мы не можем согласиться с концепцией Е. А. Штаерман, которая считает Константина прогрессивным деятелем, а его время относит к становлению феодального строя (ук. соч., стр. 77). То, что Константин использовал пробивающие себе дорогу новые производственные отношения, не может еще быть доказательством его прогрессивной политики в целом. В истории имеются примеры, когда отживающий класс стремился укрепить свое положение использованием новых хозяйственных форм. Разве Людовик XIV не пытался укрепить положение дворянского государства путем использования мануфактур? Константин много сделал для поддержания рабовладельческого строя: при нем создается мощный центр рабовладельческой собственности — Константинополь; такой центр создается как путем ограбления городов, так и путем приращения доходов сенаторов Востока к Константинополю; создается ядро землевладельческо-рабовладельческой знати в Константинополе, которая использует в своих выгодах торговое положение новой столицы; создается колоссальное население Константинополя, которое участвует в распределении доходов рабовладельческого класса и потому является опорой власти¹; наконец, при Константине юридически уточняется положение рабов. Не нужно забывать, что при Константине христианство, которое до того времени находилось в оппозиции к рабовладельческому государству и иногда выдвигало критические тезисы, поставлено было на службу рабовладельческому государству и стало поддерживать рабовладение (Никейский собор, Гангрский поместный собор).

Согласно концепции Е. М. Штаерман, Константин отражал интересы «нового экономически-господствующего класса». Разумеется, если бы это

¹ Оппозиционный Е в н а п и й пишет: «Константинополь — это местечко, которое некогда снабжало Афины хлебом. Теперь же всей Азии с Сирией оказывается недостаточно, чтобы накормить ту голодную чернь, которую Константин с о г н а л в Византий». (Подчеркнуто мной — М. С.).

Мо, почему?
Это не феодализм!
Вот это вот в т. н.
верно, но никак не
применяю рабов!

В. М. Штаерман

было так, если бы Константин, этот железный поватор, как его называли современники, действительно своими реформами открывал начало переходному периоду к феодальному строю, он был бы по праву «Великим», прогрессивным деятелем мировой истории. Но это было не так. Константин вовсе не стремился заменять старые общественные отношения новыми, но, оставляя в полной силе старые производственные отношения, стремился укрепить их пошатнувшееся положение добавочной эксплуатацией свободного населения. Стремление в интересах отживающего класса частично использовать новые производственные отношения, втиснув их в рамки старого базиса, есть не прогрессивная, а сугубо реакционная политика.

Утверждение, что в Римской империи уже в IV в. вместо рабовладельческих отношений господствующими стали или феодальные, или же отношения переходного типа (вместо «рабовладельцы» — «колonoвладельцы»), основывается на факте использования землевладельцами новых форм хозяйствования. Разумеется, этот факт является результатом действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Но из того факта, что новые производственные отношения пробивали себе дорогу, вовсе не следует, что они сразу утвердились в таком виде, который соответствует закономерному развитию. Утверждение новых производственных отношений происходит в обстановке сопротивления отживающих классов. Как мы знаем из истории последующих времен, сопротивление новым производственным отношениям иногда выражается не столько в упрямом отстаивании старых отношений в полной их форме, сколько в приспособлении старых отношений к новым производительным силам, к частичному использованию новых отношений для укрепления позиций отживающего класса. Приведем аналогию из времен разложения феодальной формации. Под влиянием новых производительных сил и пробивающихся новых производственных отношений помещики XVII—XVIII веков начинают организовывать крупное товарное сельскохозяйственное производство, а также фабрики и заводы, техника производства на которых далеко выходила за рамки феодальной индивидуальной. Однако использование новых форм хозяйствования вовсе не означало превращения класса феодалов в класс капиталистов, а означало попытку феодалов укрепить свое положение приспособлением к новым производительным силам старых имущественных отношений. В XVIII в. только крупное хозяйство, рассчитанное на массовый сбыт, могло быть выгодным, — и помещик частично переходил к крупному производству, но стремился сохранить полностью свои сословные привилегии и свои имущественные права на непосредственного производителя, т. е. цеплялся за старые производственные отношения. В Римской империи IV века только мелкое хозяйство могло быть выгодным, — и «помещик» IV века переходил к использованию мелкого производства, стремясь сохранить все свои имущественные права, в том числе и права на личность непосредственного производителя.

Производственные отношения в юридическом выражении суть отношения собственности, производственные отношения между людьми представляются как отношения людей к средствам производства. Переход к новым производственным отношениям обязательно сопровождается изменениями в отношениях к средствам производства, изменениями в собственности на средства производства и продукт труда. Широко распространено положение о том, что раб на некулини уже не является рабом, но фактически крепостным крестьянином (или, в более мягкой форме: «статусу рабов в последний период существования империи присущи в большей или меньшей степени отдельные черты статуса средневековых кре-

постных крестьян»¹). Пекулий признается или феодальной формой эксплуатации, или переходной к феодальной. Но можно ли считать перевод раба на пекулий переходом к новым производственным отношениям? Пекулий не есть изобретение Позднеримской империи. Институт пекулия существовал во все времена рабства². Эксплуатация рабского труда в разные времена, в разных местностях в зависимости от условий принимала различные формы. Подобно тому, как в недрах феодальной формации существовали различные формы эксплуатации (барщинное хозяйство, оброк натурой или деньгами, рента-налог, централизованная рента), — в недрах рабовладельческого мира существовали различные формы эксплуатации. Когда одни рабы работали под присмотром надсмотрщика, а другим, studiosioribus, предоставляли работать отдельно от других, то это являлось не чем иным, как т е х н и ч е с к и м разделением труда внутри рабовладельческого хозяйства. Ведь и те и другие рабы работали только на господина, так как все, что добывал индивидуально работающий раб, шло в собственность не раба, а господина; и те и другие рабы использовали средства производства, принадлежащие господину. В положении раба на пекулии мы не можем видеть ни атома новых производственных отношений: новые производственные отношения являются в юридическом выражении новыми отношениями собственности, внутри которых развиваются производительные силы. Никаких новых отношений собственности институт пекулия не вносил. Отношения собственности раба на пекулии ничем не отличались от отношений собственности раба, работавшего в кандалах, — ни тот, ни другой не имели прав собственности ни на орудия труда, ни на продукт труда. Если говорить о правовом положении раба, то оно на всех стадиях существования рабства оставалось одним и тем же: раб, подобно скотине, не имел права собственности, но сам являлся полной собственностью господина. Пекулий всегда оставался п о л н о й собственностью господина; пекулий мог быть в любое время отнят господином и передан другому рабу. Это положение существовало и во времена Ульпиана и Фронтиния (Dig., 15,1), и при Юстиниане, и в X—XI вв. (Basil., 18, 5). Это положение проникло во все юридические пособия византийских судей (Peira, Synopsis, M. Psellou, Harmenopoulou). Еще в XII веке Евстафий Фессалоникский в своих проповедях призывал господ не отнимать от рабов пекулий.

Раб признавался вещью, но вещью особого порядка: раб был не только говорящим инструментом, но и вещью, обладающей свойством самостоятельности, даже без ведома господина, приносить ему доход (quodcumque per servum acquiritur, ad dominum acquiriri). Раб мог иметь «собственные деньги», только скрывая их от господина. Никакой легальной собственности раб не имел. Раб мог распоряжаться собственностью господина, данной ему в качестве пекулия, только до тех пор и постольку, поскольку это было выгодно господину. Поскольку раб не имел собственности, он не имел права testamenti factio activa et passiva. В таком положении рабы (если исключить прослойку личных рабов императора) находились и в римское и в византийское время. Еще в новелле 122 Льва VI говорится об «алчности» господ, которые все отнимают от рабов, не дают им пользоваться трудом добытым ими-

¹ А. Р. Корсунский, ук. соч., стр. 68. В данном случае А. Р. Корсунский высказывается в полном противоречии с предыдущим своим положением о несовместимости понятия крепостного и раба на пекулии.

² Сводка данных о пекулии во все времена римского рабовладения приведена у А. Ehrhardt. Rechtsvergleichende Studien zum antiken Selavenrecht. «Zeitschr. Savigny-Stiftung», Romanist. Abteil., т. 85 (1951).

→ это
тоже
и есть!

Раб Т.
Важно

Сын с. м. был только раб,
не раб, видя ступень, но создал
мастером! Оби — не отнимать!

ществом ни при жизни, ни распоряжаться им перед смертью. Правда, если господин предоставлял рабу пекулий и право свободного распоряжения пекулием, то раб имел возможность заключать сделки и соглашения с посторонними лицами, причем эти сделки приобретали законную силу (Dig., 15, 1, 29, 1). Господин мог отнять пекулий, но при этом он должен был в течение года рассчитаться с кредиторами раба по его сделкам. Поэтому предоставленное рабу мелкое хозяйство на пекулии не входило в состав имения как такового. При передаче имения в качестве легата, если не было специальной оговорки, выделенные из этого имения мелкие хозяйства рабов на пекулии не входили в *instrumentum fundi* (Dig., 33, 7, 20, 1). Хотя раб и имел защиту закона от насилий со стороны чужих господ, но по отношению к своему господину раб не имел никаких прав — никакие сделки, заключенные между господином и его рабом, не имели законной силы, никакие обязательства господина перед рабом не могли быть действительными. Раб не имел права возбуждать дело перед судом против своего господина (за исключением жалоб на незаконное порабощение). Раб на пекулии, хотя и мог распоряжаться пекулием, пока этого желал господин, но не имел прав собственности ни на орудия труда, ни на продукт своего труда. Его навыки и специальные знания были не его собственностью, ими распоряжался господин, который мог отдавать раба-технита в аренду.

Мы видим, что между рабом, посаженным на пекулий, и позднейшим крепостным, была непроходимая грань. Крепостной, за вычетом оброков, как бы велики они ни были, все остальное зарабатывал в свою собственность, раб же — все для господина. Крепостной крестьянин был собственником орудий и скота. Раб никакой собственности не имел. У раба, хотя бы посаженного на пекулий, не было ни с в о и х орудий производства, ни с в о е г о урожая. Все, что имел раб на пекулии, считалось собственностью господина.

Можно возразить, что это было только юридической теорией, что в действительности раб на пекулии имел с в о е хозяйство, что господин, как правило, не отнимал от раба пекулия, потому что это было бы для господина н е в ы г о д н о. Но нельзя игнорировать и вопросы права. Господину вряд ли было когда-либо выгодно убивать раба (ведь раб представлял собой ценность); тем не менее право господина на жизнь и смерть раба было вполне реальным.

Вообще недопустимо недооценивать юридический момент для уяснения положения групп населения в докапиталистических формациях, ограничиваясь только хозяйственной стороной. В. И. Ленин подчеркивал: «Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми *сословиями*»¹. Состояние раба не столько определялось его ролью в хозяйстве, сколько принадлежностью к сословию, его юридическим местом в обществе, что определялось действующим правом. «Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные»². «... В противоположность сословиям, — писал Ленин в другом месте, — классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой»³. По-

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 6, стр. 97, прим.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 2, стр. 432.

скольку рабы были не только классом, но и сословием, раб, посаженный на пекулий, мог перейти в состояние не-раба только через юридический акт *manumissio* или другой равносильный ему акт. Без юридического акта переход в другое сословие был немыслим, и раб оставался рабом, подвергаясь всем ограничениям своего рабского состояния, поскольку такие ограничения существовали в действующем праве.

Поэтому все соображения, что рабовладельцы, переводя рабов на пекулий, тем самым создавали новые производственные отношения и переходили к феодальному способу производства, а рабы переставали быть рабами, но переходили в новый класс крепостных крестьян, есть неправомерное перенесение на рабовладельческую формацию специфики капиталистического общества, где переход из класса в другой класс для отдельных индивидов зависел только от их хозяйственного положения. Римские рабовладельцы, переводя рабов на пекулий, только приспособлялись к новым условиям, чтобы укрепить свое положение. Они стремились сделать раба более инициативным и заинтересованным в труде и в то же время оставить его на положении раба, сохраняя все права на личность раба, на средства производства и на продукт труда раба. Разумеется, новое хозяйственное использование раба должно было в конце концов привести к новым имущественным отношениям, но для этого в каждом отдельном случае приходилось раба *cum peculio manumittere*.

Мы можем прийти к выводу, что хотя массовый перевод рабов на пекулий и являлся следствием невыгодности рабского труда, результатом действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, но этот институт ничего феодального еще не представлял и оставался институтом рабовладельческого общества в период его упадка.

Проф. С. И. Ковалев считает, что в рабовладельческом обществе господства были мало заинтересованы в поднятии производительности труда рабов, что единственным путем поднятия доходности был путь количественного роста. Мы не считаем это правильным. Забота о повышении продуктивности труда рабов занимала господ во все времена рабства. Институт пекулия — яркое доказательство тому. Самый факт *manumissio* необходимо рассматривать как стимул к повышению продуктивности труда рабов. Стоимость личности раба обычно определялась его производственными навыками. Громадную роль в стремлении сделать раба инициативным работником, не освобождая его от рабского состояния, сыграло христианство. Рабу старались внушить, что его долг — не за страх, а из служения господу богу работать по мере сил на своего господина. Плиний (Ер. 96) писал, что христиане в своих общинах приносили клятву не утаивать доверенного имущества. Отцы церкви гордились, что своей проповедью среди рабов они «дурного», т. е. плохо работавшего раба превращали в «хорошего», т. е. в исполнительного, старательного. Чем очевиднее делалась нерентабельность труда рабов, тем больше прибегали к разным паллиативам — стремились повысить доходность раба, сохраняя его статус.

Выдвигается положение о том, что в Позднеримской империи собственность на личность раба была уже неполной, так как господин не имел уже права без причин убивать раба, не имел права «сверх меры свирепствовать» над рабом. Но практически господин, имея право на неограниченную *castigatio* и не отвечая за смерть раба во время его «наказания», в полной мере сохранял право на жизнь и смерть раба. Законодательство Антонинов имело целью не повышение прав раба, а безопасность рабовладельческого общества. Принцип «никто не имеет права дурно (т. е. во вред обществу) пользоваться своей вещью» (*expedit reipublicae*

Вот это - в каком направлении и т.д. Также восточнее, но, видимо, освобождение

ne quis re sua male utatur) — применен был и к рабовладению: ne quid tumultiosius contra accidit (Instit., I, 8, 2).

Ограниченность прав господина на личность раба видела в том, что в законодательстве IV века встречаются запреты продавать сельского раба без земли. Господин не мог продавать без имени рабов, занесенных в списки как принадлежавших к данному имению (*rusticos censitosque servos*—CI, XI, 48,7). Но в данном случае речь шла о том, чтобы не оставить необработанным имение (*saepe est accitatum, ut omnis integri fundi cultura adimatur*). В законе говорится о количестве рабов и оригинариев, которое необходимо для ведения хозяйства в имении¹. А. Р. Корсунский (ук. соч., стр 53) правильно считает это временной мерой фискального порядка. Аналогичен запрет переводить на другую работу рабов, работавших в системе водопровода.

Мы не можем усмотреть ни каких существенных моментов², сближающих позднеримского раба с крепостным крестьянином средневековья. Рабство не перешло эволюционным путем в крепостничество, но было заменено новыми формами эксплуатации.

Перейдем к отношениям колоната. Из ряда статей (А. Б. Рановича, Е. М. Шгаерман, А. П. Каждана) следует, что развитие колоната было известной степенью переходом к феодальному способу производства. Бесспорно, что возрастающая заинтересованность в эксплуатации зависимых арендаторов явилась следствием нерентабельности хозяйства, покоящегося на организованном труде рабов. Но означала ли политика Римской империи IV—V веков стремление перейти к новым отношениям, к созданию нового класса-сословия?

Наиболее обездоленной прослойкой колонов были так называемые приписные колонны — *adscripticii*. Издавна, как дополнение к рабовладельческому хозяйству, привлекались из местной бедноты лица, которые за плату или за часть урожая работали на поле. Мы знаем, что, как дополнение к рабовладельческому хозяйству, часть земли сдавалась в краткосрочную аренду, причем собственник земли предоставлял таким арендаторам необходимые орудия (*praelum, trapetum*, а также и приспособления — *suculam, regulas, tympanum, cocleas*). Очевидно, такие арендаторы принадлежали к бедноте, поскольку не имели возможности обзавестись более сложными приспособлениями для культуры винограда и маслин. Такие орудия труда, разумеется, оставались собственностью землевладельца (Dig, 19, 2, 19, 2). Поскольку в IV в. имения разорялись, а земли оставались необработанными, наряду с закреплением арендаторов на их участках правительство приписывает определенное количество недвижимой бедноты к имению; так, в законе 399 года говорится: *certus numerus plebis, praedio adscriptus* (CTh, XI, 1, 26). Эти адскриптиции находились во власти господина, все, что они имели, считалось принадлежащим господину (*cuius ipsi sunt, eiusdem omnia sua esse cognoscant* — CI, XI, 50, 2). Все имущество адскриптиция в юридических актах то противопоставлялось рабскому пекулюму, то прямо называлось пекулием³. Уже одно наименование в юридических документах имущества адскриптиция *пекулием* говорит за то, что его считали все,

¹ *Tanti... quanti — quum soliditas fundorum vel certa portio ad unumqueque perveniat, tanti quoque servi et originarii transeant, quanta tibi apud superiores dominos et possessores vel in soliditate vel in parte manserunt...* (CI, XI, 48,7).

² Ничего не изменилось и в семейном праве раба. Семьи рабов существовали во все времена рабства. De facto они признавались, но по закону раб не имел семьи, т.е. никаких прав имущественных рабская семья не имела. Законы IV в. никаких изменений в это положение не внесли.

³ CTh, V, 19, 1; CI, XI, 50,2; τὰ τοῦτων πεκούλια τοῖς δεσπόταις ἀνήκει; CI, XI, 47, 19 — наоборот: terra вместо peculium — CI, XI, 47, 21.

и участок, и орудия труда, и продукт труда, находящимся в собственности землевладельца-господина. Недаром император Аркадий говорит об адскрипциях, как о почти рабах (*paene est, ut quadam dediti servitute videantur* — CI, XI, 50, 2). Адскрипции лишены были права *in causis civilibus* выступать против господина на суде. Никакого права продажи или другого вида отчуждения *пекулия* адскрипции не имели без решения на то господина¹. Адскрипции резко противопоставлялись свободным: в этом отношении их положение было аналогично положению рабов. Адскрипции не имели права сочетаться браком со свободными. Такие браки должны расторгаться (так как иначе адскрипции, вступая в брак со свободной женщиной, добивались, что дети их делались свободными, а это могло привести к уменьшению количества адскриптицев — CI, XI, 47, 24).

Однако юридически адскрипции противопоставлялись рабам. Раба можно было освободить — *manumittere*, а адскрипция изъять из-под власти — *expellere dominio*.

Тем не менее, несмотря на то, что адскрипции не считались рабами, они настолько отличались от свободных, настолько были близки к рабам по своему имущественному положению и по зависимости от господина, что и адскрипции и рабы составляли единый класс-сословие поздне рабовладельческого общества, т. е. в тот период, когда рабский труд уже был невыгодным, когда рабство перестало быть рентабельным, но когда господа не думали жертвовать своим правом на средства производства и все хозяйство зависимо от них непосредственного производителя. Правовое положение адскрипция не отдалялось от рабского, а, наоборот, настолько приблизилось к нему, что Юстиниан даже мог задать риторический вопрос — а чем же отличается положение адскриптицев от положения рабов?

Однако мы не можем согласиться с мнением А. Р. Корсунского, что все колонны были превращены в несвободное, фактически в рабское, состояние. Адскрипций считался н е с в о б о д н ы м, тогда как масса колоннов считалась лично свободными людьми. *Coloni, rustici, pagani, γεωργοί* — в широком значении этого слова — крестьяне вообще. Мы знаем, что прирожденные обитатели деревни, занимающиеся своим хозяйством, были прикреплены к земле, независимо от того, имели ли они землю в собственности или жили на земле крупного землевладельца. Тем не менее они считались свободными людьми. Прикрепление к состоянию, к месту работы в IV веке не считалось ни превращением в несвободное состояние, ни носило характер чего-либо бесчестящего. Прикреплялись *навикулярии*, лица богатые и почтенные, прикреплялись *декурiones*, прикреплялись должностные лица к должностям. Либаний писал, с каким трудом он сумел освободиться от занимаемой должности.

Но все ли свободные арендаторы прикреплялись к своему состоянию? Наличие свободных арендаторов вполне подтверждается источниками Позднеримской империи. Аренда на три года, четыре, пять, шесть лет — такие условия часто встречаются в поздних актах².

Нам представляется неясным, почему А. Б. Ранович считает действующее право в отношении аренды *locatio-conductio* фикцией³. Согласно статье Рановича, все соглашения между землевладельцами и арендаторами есть только догма в действующем праве. Но ведь даже после закона Анаста-

¹ *Ne quid de peculio suo cuiquam colonorum (подразумевается: censibus adscriptis) ... vendere aut alio modo alienare liceat.*

² См., например, *Papyri Ros.-Georg.*, III, №№ 33,9 и 19,5 — на три года; № 36,10 — на пять лет; № 40,6 — на шесть лет.

³ ВДЦ, 1951, № 1, стр. 95 относительно CI, IV, 65. 19.

А ведь так же...
Связано, убого...
Значит, не...
Колонны - свободны...
Это -...
то и...
важно

сия колон-арендатор, пробывший менее 30 лет на одном участке, имел полное право покинуть участок, был свободным арендатором. Тем более — до закона Анастасия, когда, как видно, отдельные разряды арендаторов даже после 30-летнего пребывания не прикреплялись к земле, но арендовали землю по положениям действующего права. Закон 244 года запрещал задерживать арендаторов сверх срока. Этот закон в категорической форме повторен в кодексе Юстиниана (IV, 65, 11). О необходимости строго придерживаться условий соглашения говорится в кодексе Юстиниана также совершенно четко (CI, IV, 65, 19). Не всякий свободный арендатор законами IV века прикреплялся к земле: когда законодательство говорит о колоне, не имеющем права покидать участок земли, оно говорит о прирожденном крестьянине, давнишнем жителе, который имеет свои старинные пенаты, зачислен в налоговые списки по данной местности, родился и воспитан в данной местности. Только такой колон возвращался в случае бегства *ad antiquos penatos, ubi censiti, educati, natiq̄ue sunt* (CI, XI, 47, 6).

В своем рескрипте префекту претория Иоанну Юстиниан рассматривает закон Анастасия как и о в ы и, вносящий новые отношения. По отношению к тем колонам, которые сделались на основании этого закона прикрепленными, господа не имели права вносить какие бы то ни было изменения в существовавшие условия аренды и не должны были допускать никаких насильственных действий (*caveant autem possessionum domini in quibus tales coloni constituti sunt, aliquam innovationem vel violentiam eis inferre*). Как видно, закрепленные на основании закона Анастасия противопоставлялись а д с к р и п т и ц и я м. При этом подчеркивалось, что закрепляемые оставались свободными людьми, а также подчеркивались их права на имущество (*μετὰ τῶν πραγμάτων αὐτῶν*)¹. Земля закреплялась в наследственном пользовании крестьянина так же, как он сам закреплялся за землей, без права господина вносить какие бы то ни было изменения. В этом законе мы действительно видим новые имущественные отношения. Здесь мы видим уже типичное для феодального собственника право эксплуатации мелкого производителя при наличии собственности закрепощенного на средства производства, продукт труда и при условном наследственном владении землей. Но этот закон издан лишь в VI в., когда уже наметилось широкое проникновение славянских племен в качестве поселенцев на Балканский полуостров, когда на Западе — в Британии, на Рейне и Дунае, в Галлии и Паннонии рабовладельческие отношения уже не были господствующими.

Мы полагаем, что концепция Е. М. Штаерман о феодальной сущности господствующего класса в Римской империи с IV в. неприемлема. Изменение в государственном устройстве Империи того времени отражает переход власти к другому классу, а напряжение всех сил отживающего класса для сопротивления действию экономических законов. Установление режима ужасающего бесправия характерно для всякого разлагающегося общества. Чтобы временно задержать гибель феодализма, пришлось ввести полицейское самодержавие; чтобы отсрочить гибель капитализма, буржуазия ликвидирует все буржуазные «свободы». Чтобы отсрочить гибель рабовладельческого общества, в IV в. ликвидируется античное самоуправление, закрепощаются целые группы населения,

¹ CI, XI, 47, 19: τῶν γεωργῶν — οἱ μὲν ἐναπόγραφοί εἰσιν, καὶ τούτων περὶ οὐλίας τοῖς δεσπόταις ἀνήκει, — οἱ δὲ χρόνῳ τῆς τριακονταετίας μισθωτοὶ γίνονται, ἐλεύθεροὶ μένοντες μετὰ τῶν πραγμάτων αὐτῶν, καὶ οὗτοι δὲ ἀναγκάζονται καὶ τὴν γῆν γεωργεῖν, καὶ τὸ τέλος παρέχειν... Статус энапографов-адскриптиция в данном законе четко противопоставляется статусу закрепощенного, которой не имеет права перехода, но имеет право собственности на имущество.

запрещается относительно свободно существовавшая мысль. Все это делается не во имя интересов нового класса, а чтобы спасти рабовладельческий строй, рабовладельческую собственность.

Ошибочной представляется также концепция А. П. Каждана о постепенном переходе земли в собственность непосредственных производителей. Мы не можем сказать, что римские рабовладельцы, хотя и сознавали выгоду мелкого хозяйства, поступались своими правами на землю, на личность раба и на прочие средства производства. Самое закрепление колона не ограничивало землевладельца, так как колона можно было переводить из одного имения в другие (закон Аркадия 400 г. — СІ, XI, 47, 13). В папирусах V—VI вв. мы видим примеры одностороннего обязательства: землевладелец сохранял за собой право в любое время прекратить соглашение об аренде, а арендующий не имел права оставить участка. Это достигалось арендой на неопределенный срок: на срок, который пожелает господин (ἐπὶ χρόνον, ἕως βούλητι το ὑμέτερον μέτρος...). Это выражение «на срок, который пожелает господин» встречается в разных актах, и, видимо, такая форма аренды являлась распространенной практикой (Pap. Ros.-Georg., III, № 32 и др.). Рабовладельцы стремились сохранить plena in re potestas на средства производства. Достаточно прочесть обобщения Сальвиана, чтобы понять, что процесс, который происходил в Римской империи IV—V вв. был не процессом вызревания мелкой единоличной собственности, а, наоборот, процессом ее разрушения: «колony... налагают на себя ярмо и доводятся до такой крайности, что теряют права, и имущество, и состояние, изгоняются не только из своего участка, но, так сказать, из самих себя и, лишаясь всего, лишаются и собственности, и права свободы» (De gub. dei, V, 9). Лишались собственности на орудия труда и скот также и coloni liberi, как неоплатные должники перед господином. Имеющиеся запреты превращать колонов в рабов говорят о наличии попыток такого рода: nulli liceat eos in servitutum trahere (СTh, V, 9, 1; Nov. Valent., XXX, 5). У Сальвиана красочно рассказывается, как свободные земледельцы в отчаянии отдаются под покровительство сильных и теряют при этом и свободу и имущество: perdentes omnia — et rerum proprietate careant et ius libertatis amittant... vertuntur in servos (De gub. dei, V, 8). Обобщающие положения Сальвиана, который так хорошо понимал окружающие его обстоятельства в целом, имеют, несомненно, больше веса, чем отдельные, случайно сохранившиеся надписи и документы.

Итак, мы полагаем, что в позднеримском обществе не было еще необходимого для дальнейшего перехода к феодальным отношениям вызревания частной собственности непосредственных производителей на средства производства. Господствующий класс укреплял свою собственность путем сословных ограничений трудящихся. Энгельс писал: «... все так называемые политические революции, от первой до последней, были совершены ради защиты собственности *одного* рода путем конфискации (называемой также кражей) собственности *другого* рода»¹. Римское рабовладельческое государство строго охраняло право собственности. Известно выражение Фронтинна: «Предки наши, соблюдая достойную удивления справедливость, постановили, чтобы частная собственность не была нарушена даже тогда, когда этого требует общественная польза» (De aquaeductibus, 6; ср. Dig., 8, 4, 13). Никакой конфискации собственности одного вида в пользу собственности другого вида в недрах Римской империи вплоть до варварского завоевания в массовых размерах

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 118.

не происходило. Движение народных масс потрясло силу господствующего класса, но только варварское завоевание совместно с выступлениями масс разрушило в основном рабовладельческую собственность и передало общинам землю. В Римской империи происходил не процесс вызревания феодальной собственности, не процесс вызревания необходимой для дальнейшего генезиса феодализма собственности мелких производителей, а, наоборот, всемерное противодействие этим процессам, что сделало невозможным переход к феодализму с сохранением господствующего класса.

Остановимся на затронутом в дискуссии вопросе о прогрессивном классе. Нам кажется, что необходимо внести ясность в самую постановку вопроса. Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о классе. Безусловно и а р о д — вся масса непосредственных производителей является движущей силой истории, поскольку производительные силы не сами растут, но в результате труда масс, развитие же производительных сил является основой всякого развития. По говоря о передовом классе, мы должны иметь в виду тот класс, который вводит те производственные отношения, которые при данном состоянии производительных сил неизбежны, закономерны для общественного производства, общественного разделения труда.

По Е. М. Штаерман, «повидимому, передовым классом при смене рабовладельческого строя феодальным надо считать класс феодализирующей знати» (ук. соч., стр. 63). Этот класс Е. М. Штаерман видит в тех позднеримских землевладельцах, которые переходили от традиционного использования труда рабов к эксплуатации мелких зависимых земледельцев, большую часть которых составляли посаженные на землю рабы.

Мы видели, что раб на пекулии не может считаться элементом феодальных отношений. Практика предоставления рабам пекулия уживалась с основами рабовладельческой собственности и не вносила собой новых отношений к средствам производства. Переход на использование мелкого хозяйства¹ был только дополнением, повышающим доходность рабовладельческого имения. Характерно, что при передаче как легата по завещанию всего имения выделенные рабам в качестве пекулия участки не входили в легат. Это говорит за то, что в о с н о в н о м имение оставалось при обычных формах рабского труда. А. П. Каждан совершенно правильно указывает на большое количество источников, говорящих о наличии обычного использования рабов². В юридических источниках гражданского и церковного права часто встречается терминология, характерная для обычного рабовладельческого хозяйства: виллики, акторы, прокураторы и т. д.³ Мы напомним и известное обобщение Сальвиана: *pavent actores, pavent sientiariorum, pavent procuratores... ab omnibus caeduntur... multi servorum... conservos timent* (De gub. dei, IV, 3). Давая общую характеристику своего времени, Сальвиан, очевидно, имел в виду наличие обычного рабовладельческого хозяйства.

Имеется очень мало данных об использовании колонов при работах

¹ Мы употребляем слово «переход» лишь условно, так как использование мелкого хозяйства господствующим классом существовало во все времена рабовладельческой формации.

² А. П. Каждан (ук. соч., стр. 86) совершенно резонно отказывается видеть в хозяйстве, описанном Палладием, колонов. Всякий непредубежденный читатель Палладиева *De re rustica* может видеть в работниках имения только рабов. Добавлю, что Палладиевы (I, 6) *terrarii, lignarii, doliorum cuparumque factores* вполне соответствуют Dig., I, 16, 203; XXXIII, 7, 42; 33, 7, 48. Ср. CTh, XVI, 8, 6 и Dig., XXXIII, 7, 42, 5.

³ См., например, CTh, XVI, 5, 34 и 36. Авсоний говорит о прокураторе-виллике (Ер. 22).

на господских участках, юридические источники вообще не говорят о барщине колонов¹. Подчеркивая это обстоятельство, А. Б. Ранович пришел к выводу, что барщинные повинности будущих крепостных возникли не в недрах колонатных отношений. Это соответствует положению Энгельса о происхождении барщинных повинностей². Предоставление колонам участков земли рассматривалось еще в свете арендных отношений, а не как обеспечение имения рабочей силой. Начальная стадия феодальной эксплуатации — отработочная империя — исторически сложилась не в Римской империи, а уже после краха Империи. В Римской империи система ангарий, принудительных работ на государство, не связана была с работой на землевладельца. Именно эти ангарии, а не *орегас*, являлись прообразом будущих барщинных повинностей. *Partiarii*, как указывал Энгельс, являлись скорее управителями части господского имущества, обрабатывавшими его за часть урожая.

Господствующий класс Римской империи цеплялся и за старые имущественные отношения, и за старые сословные перегородки. Несмотря на все аналогии с феодальной знатью, мы еще не можем считать этот господствующий класс позднеримского общества феодальным. Он был только прообразом будущего класса феодалов. Не появление нового класса, передового, способного быть знаменосцем продвижения новых отношений, можно отметить в последние века Римской империи, а попытку старого класса сохраниться при наличии новых хозяйственных условий. Это не значит, что в среде этого класса не было критики сложившихся имущественных, политических и идеологических устоев старого мира. Люди того времени не могли научно определять экономические закономерности, но могли смутно осознавать их действие.

Определенной прослойке рабовладельческого господствующего класса становилась ясной трудность поддерживать старое общество, римскую государственность. Эта часть рабовладельцев тем не менее стремилась отстаивать свои частные интересы, свою власть, основанную на землевладении и рабовладении. Они надеялись найти в верхушке варварских племен своих союзников. Люди этого лагеря чувствовали, что будущее на их стороне, но, не имея возможности научно определить экономические законы, пытались объяснить исторические сдвиги религиозными, фантастическими теориями. Патристика, которая была попыткой сформулировать новое мировоззрение, выступала критически и против рабовладельческого государства (*Quid sunt regna nisi latrocinia magna?*), и против рабовладельческого потребляющего богатства, и за естественное равенство всех людей перед богом, и против «ядовитого жала» презрения к личному труду, характерному для рабовладельческого общества. Но эта критика старинных устоев являлась лишь отражением сознания обреченности старого класса, а не программой нового класса. Эта критика, имевшая в виду спасение в потустороннем мире, скорее отвлекала от борьбы, чем выступала требованиями имущественных и социальных изменений. Другая прослойка состояла из людей, которые «ничего не забыли и ничему не научились». Читая Макробия, Рутиллиана, Симмаха и других языческих авторов, можно усмотреть только полную идеализацию прошлого, стремление совсем не замечать симптомов гибели существующего строя. Юристы разрабатывали теорию права, которое в основе своей далеко не соответствовало устоям рабовладения: они не опирались на теории

¹ См. А. Б. Ранович, ук. соч., стр. 105.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1952, стр. 160.

прирожденных господ и природенных рабов, но провозглашали рабство противным естественному праву: *Bella et enim orta sunt et captivitates secutae et servitutes, quae sunt iuri naturali contrariae. Iure enim naturali ab initio omnes homines liberi nascuntur.* Их теория гражданского частного права основывалась на анализе отношений юридически равных товаровладельцев. Но, признавая незыблемость частной собственности, эти идеологи защищали рабство, как вид частной собственности, и приспособивали наличие рабства к общей теории частного права. Защищая существующие отношения собственности, они тем самым должны были защищать императорскую власть — и «... составили для императоров самое гнусное государственное право, какое когда-либо существовало»¹.

Во всех сферах мы видим одно и то же: новые производственные отношения пробивались, оказывая влияние как в хозяйстве, так и в идеологии, но господствующий класс стремился сохранить имущественные отношения и поэтому, несмотря на отдельные попытки приспособления к новым условиям, являлся в целом реакционным классом.

Не могли быть передовым классом и рабы. Рабы «... никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»². Движение рабов против рабовладельческого строя было прогрессивно, но рабы как класс были отживающим классом.

Вопрос становится более сложным, если рассматривать движение всех земледельцев независимо от их отношения к собственности. Все они, и сельскохозяйственные рабы, и адскриптиции, и свободные арендаторы — все они, разумеется, стремились к самостоятельному единоличному хозяйству. В условиях того времени это было прогрессивным стремлением. Будущее принадлежало мелкому единоличному хозяйству непосредственных производителей.

Что необходимо было для перехода к средневековому способу производства и для средневековой эксплуатации? Энгельс так описывает производственную основу средневекового общества: в средние века «... всюду существовало мелкое производство, основой которого была частная собственность работников на средства производства; в деревне господствовало земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе — ремесло. Средства труда — земля, сельскохозяйственные орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными. Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю»³. Без предварительной связи мелкого производителя со средствами производства невозможно средневековое общество, феодальная эксплуатация. Характер орудий требовал заинтересованности работника, заинтересованность работника можно было создать только в том случае, если продукт труда делался собственностью работника⁴, если орудия труда являлись собственностью работника, если непосредственный производитель ведет свое хозяйство. Исторически и сложилось так, что перед оформлением феодальных отношений длительный срок имел преобладание свободный крестьянин — общинник: «между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьян-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 607.

² В. И. Ленин, Соч., 4 изд., т. 29, стр. 449.

³ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1953, стр. 252.

⁴ См. там же, стр. 254.

нин». Это означало, что генезис феодальных отношений на Западе начался с того, что средства производства от рабовладельческой знати перешли в собственность общины, как коллектива непосредственных производителей. Исторической необходимостью было ликвидировать то «ядовитое жало», которое, по выражению Энгельса, оставил рабовладельческий способ производства,— презрение к личному труду. Почетное положение непосредственного производителя в недрах общины, заинтересованность в личном труде в своем хозяйстве при наличии своих средств производства — все это приводило к тому, что это «ядовитое жало» исчезло, по крайней мере в среде трудящихся.

Выступления колонов против рабовладельческого строя имели поэтому ярко прогрессивный характер, причем остроте борьбы способствовало то обстоятельство, что политика империи сводилась к лишению непосредственного производителя собственности на средства производства, тогда как закономерность развития требовала, наоборот, перехода в руки работника средств производства.

Но тем не менее мы не сможем назвать позднеримское крестьянство передовым классом. Передовой класс есть носитель прогрессивных, новых производственных отношений, которые должны были установиться в общественном производстве. Между тем, «... мелкая земельная собственность, по самой своей природе, исключает развитие общественных производительных сил труда...»¹.

В условиях относительно низкого уровня производительных сил общественное производство не могло быть организовано иначе, чем путем эксплуатации человека человеком. Именно это мелкое хозяйство и явилось источником средневековой эксплуатации. В. И. Ленин писал: «... эта связь производителя со средствами производства была источником и условием средневековой эксплуатации, обуславливала технический и общественный застой и необходимо требовала всяческих форм „внеэкономического принуждения“»². Класс мелких собственников не мог стать знаменосцем новых производственных отношений, так как эти новые производственные отношения, приходящие на смену рабовладельческим, были отношениями господства — подчинения.

Проф. С. И. Ковалев пришел к выводу, что во время социальной революции, сокрушившей рабовладельческий строй, не было революционного класса-гегемона. Мы должны присоединиться к этому выводу. То обстоятельство, что решающий удар был произведен варварами, не было случайным. Энгельс писал, что всякое рабовладельческое общество гибнет в результате внутренних противоречий, причем обычно путем насильственного завоевания со стороны другого, более сильного общества, т. е. через удар и з в н е. Особенностью краха Рима было то обстоятельство, что производительные силы в то время выросли настолько, что рабский труд стал невыгоден вообще и что варварское завоевание привело не к перемещению центра рабовладения, а к синтезу институтов варварского общества с институтами разлагающегося римского общества. И только после этого началось классовообразование нового, феодализирующегося общества.

Мы не можем сравнивать буржуазную революцию с революцией, сокрушившей рабовладельческую формацию. После буржуазной революции наступает полное господство капиталистических отношений, а после революции, ликвидировавшей рабовладельческий строй, понадобился века генезиса феодальных отношений до времени полного торжества

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 820.

² В. И. Ленин, Соч., 4 изд., т. 3, стр. 176.

феодализма. Это произошло потому, что буржуазная революция совершалась при наличии готового капиталистического уклада в недрах феодального общества, тогда как в рабовладельческом мире феодального уклада не существовало. Относительная близость рабовладельческих и феодальных имущественных отношений позволяла рабовладельцам полнее приспособляться к новым производительным силам, чем феодалам к капиталистическим. Элементы нового в старом не развились до вызревания уклада, но сказались на разложении античного мира, в результате чего и победили революционные выступления рабов и колоннов в союзе с варварами.

Но мы не можем согласиться с положением С. П. Ковалева о деструктивном характере революции, сокрушившей рабовладельческий строй. Революционные выступления рабов, колоннов и нашествие варваров носили грандиозный конструктивный характер: осуществилась необходимая для развития феодальных порядков связь непосредственного производителя со средствами производства. Большая часть земли перешла в руки свободных общинников как на Западе, так и на Балканском полуострове. Преобладающей формой на некоторое время оказалось общинное устройство типа Салической правды и Земледельческого закона. За счет рабовладельческой собственности укрепилась собственность общинная. Без такого конструктивного достижения революционные восстания не имели бы никакого значения. Общинная собственность и была той основой, которая скрепляла непосредственного производителя со средствами производства. Только наличие общины давало крестьянину сознание устойчивости его владения земельным участком, а следовательно, и подлинную заинтересованность в труде.

Остается вопрос, почему крах рабовладельческого строя на Западе сочетался с гибелью римского государства. Переход от одной формации к другой, как показывает история, не обязательно должен быть связан с потерей независимости страны. При переходе к новой формации передовой класс разрушает то, что препятствует этому переходу, но сохраняет все, что может обслуживать новую формацию. В Западноримской империи такого класса не оказалось. Хотя политический строй был потрясен выступлениями масс, а рабовладельческая идеология разлагалась и потрясана внутренней критикой, тем не менее подлинный разгром надстройки общества был осуществлен в варварами, которые не представляли собой класса римского общества. Они не были заинтересованы в сохранении римской культуры. Если не принимать во внимание государства остготов, вестготов, вандалов, которые не имели будущего, то варварское общество находилось в условиях, когда ремесло еще не выдвинулось из сельского хозяйства. Все те элементы, которые были связаны с общественным разделением труда в античном мире, были разрушены; то время когда «между римским колонном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин», было временем глубокого культурного упадка, а также и тех (в основном поверхностных) связей, которые объединяли Западную Римскую империю.

В ранней Византии государственный аппарат находился в руках той прослойки рабовладельческо-землевладельческой знати, которая в значительно большей степени была связана с интересами крупных торговых городов, товарного хозяйства и обращения. Хотя Византия IV—VI веков и была в основном государством реакционным, но оно осуществляло важную прогрессивную роль: сохранить и развить товарное производство и обращение, завершить разработку норм гражданского права, необходимого для всякого общества, в котором господствует частная собственность и товарное производство. Поскольку без определенной степени раз-

вития товарного производства не может развиваться феодальное общество, задача сохранения крупных торговых центров в то время, когда на Западе наблюдалось глубокое падение товарного производства, была прогрессивной с точки зрения всемирно-исторического процесса. Сохранение центров товарного производства связывалось с сохранением определенного уровня культуры. Городская землевладельческая, ростовщическая, чиновная знать Византии, выполняя эти исторически необходимые функции, сумела сохранить в своих руках государственный аппарат даже тогда, когда вся сельскохозяйственная провинция попала приблизительно в такое же положение, как и на Западе. Рабовладельческий строй пал и в Византии, но с сохранением центров товарного производства, элементов античной образованности и греческого языка.

В ответ на Верхних
в земных массах, но, как
А также - мифическое образование,
в бытии врозь (как и у А. М.
но с Кремлем в общую форму!